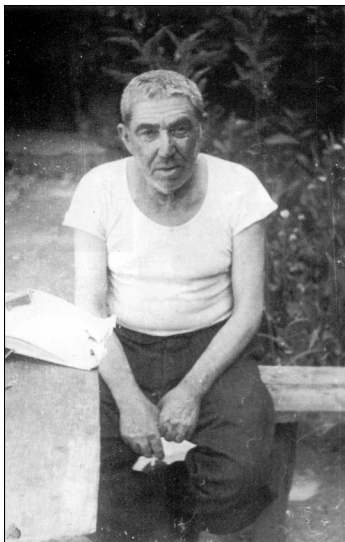

Жил-был дед

Чего нет, того нет

— Я прошу, чтобы в воскресенье вы все пришли поздороваться с тетей Ханной. Пожалуйста, не делайте вид, что вы не знаете, кто такая тетя Ханна. Тетя Ханна — это тетя Ханна. И не надо смотреть на меня ироническими взглядами, чтобы не жалеть потом. Я, к примеру, жалею, что иногда так смотрел на свою бабушку; а она была умнейшая женщина, и у нее было чему поучиться...

Я вас предупреждаю: тетя Ханна — очень старая. Я не знаю, сколько ей лет, но она воспитывала вашу бабушку и учила ее играть на скрипке. Сейчас она обходит родственников, потому что чувствует, что скоро умрет.

И еще одно: если она вам подарит вязаные салфеточки, вы должны их принять и сказать спасибо. Учтите, она их вяжет без очков и узор снимает не с картинки, а берет из головы!

Ай-яй-яй... Что я за несчастный человек? Я — неудачник. Что я за еврей? На каком языке я буду с ней раз говаривать? Среди вас я все забыл. Не с кем слова сказать... Если меня спросят, к примеру: "Гедаля, кто твои внуки, кто твои правнуки?" — что я отвечу? А? Я отвечу, что я не виноват в том, что мои дети женились на ком попало. Где служили, там женились. И внуки пошли той же дорожкой. Что говорить!.. Ну, русские, украинцы — это ладно. Но карелы, лопари, чуваша-чалдоны — это же надо выискать!

Что я преувеличиваю? Ничего я не преувеличиваю! Ваша мама вообще внучка графа Поттоцкого. Я имею в виду — по замашкам. Полунемка есть одна. Но я бы не сказал, что большая аккуратистка. В старое время ни один приличный человек мне бы не подал руки. Сейчас на это смотрят сквозь пальцы. Все смешалось. Не семья, а Лига Наций!

Что? ООН? Хорошо. Пусть ООН. Дело не в названии...

Слушайте, вы, дети разных народов! Я вам скажу, о чем так жалею: у меня же нет ни одной невестки — настоящей француженки! Она бы мне пела: "Мон амур! Бон амур!..". В молодости мне одна что-то пела такое...

Но — чего нет, того нет.

Одесский климат

В последнее время на земном шаре все резко меняется. Прямо на глазах. Даже климат в Одессе. Но! Кое-что повторяется. К примеру, вот эта зима, что прошла. Точь-в-точь, как в двадцатом году. Как две капли воды. А тогда, имейте в виду, был голод. И между прочим, был тиф.

Бабушка ваша, покойница, лежала в тифу, и ваш папа, и все дети. Один Юлька не заболел, но он тоже лежал, за компанию. Ему было два года, и мне некуда было его изолировать. А вместе им было теплее...

Умер мой папа. (Это вам будет прадедушка.) И я не знал, как мне его похоронить. Вообще, тогда по-человечески уже мало кого хоронили. Были специальные бригады, которые собирали покойников по улицам и куда-то увозили. Мне почему-то не хотелось, чтобы так увезли папу. Я хотел его похоронить лично.

Я пошел на кладбище, нашел мортусов и стал их просить помочь мне выкопать яму, потому что я сам не мог. Я был молодой и бессильный. Сейчас у меня больше сил, чем тогда... Так что вы думаете — эти мортусы? Сделали печальные лица и стали торговаться. Но как! Чтобы я дал им денег — раз. Чтобы я дал им по два фунта хлеба — два. А откуда? Большой вопрос!

Я сказал им, чтобы они пошли ко мне домой, и дома я им все это выложу. Я надеялся по дороге уговорить их сбавить цену. Но я их не уговорил.

Что делать? Если б не Юлька, я бы всех убил и себя в том числе. Все равно один конец.

Я побежал к Абраму Гольдвеву. У-у! это был змея! Он же был богатый человек. Но делал вид, что у него, как у всех, ничего нет. С понтом — сейчас равенство.

Я ему говорю: "Абрам, дай мне денег, чтобы я мог похоронить папу. Я тебе отработаю". А он (чтоб он перевернулся в гробу!): "Гедаля, где я имею?".

Он не имел!

Я прихожу домой. У меня была четвертушка хлеба, — так эти мортусы ее разорвали, как звери. Если б вы видели эту картину! Не дай Бог, конеч-

но. Папа лежит на столе. (Полагалось на полу, но я боялся. Сами понимаете...) Бабушка — почти молодая — лежит с детьми на кровати. Юлька высунулся из-под одеяла и плачет: "Ой, я гаёдный! Я, каится, гаёдный! Ой-ёй-ёй!"... Он был слишком здоровый ребенок, и я боялся, что он умрет неожиданно. Если бы мне кто-то сказал, кем он будет...

Он перед войной отличником закончил строительный институт, и его премировали путевкой в дом отдыха. Это путевка пропала, потому что началась война, и его взяли в саперы. После ранения он остался долечиваться в Хабаровском крае. Там он стал потихоньку работать, жену там взял и, видно, показал себя с хорошей стороны. Лет через десять после демобилизации — уже семья есть, две внучки — его призвали, но — во флот, строить военные порты на Чукотке.

Я понятия не имею, сколько он их там настроил...

Короче, если бы, когда они все лежали под одеялом и дрожали от холода, мне бы кто-то сказал, что он будет капитаном 1-го ранга, на должности вице-адмирала, к слову, — я бы рассмеялся...

Митька таки раскрылся

Если я вас разбудил, то это ничего. Я пришел вам рассказать, что Митька Тимченко показал свое подлинное лицо. Ваш уважаемый дядя Митя — раскрылся!

Что случилось? Случилось то, что еще не осветили в газетах. Мы вчера играли в беседке в домино. Он, как всегда, постоянно был мимо. Я ему говорю, чтобы как-то поддержать: "Митя, почему ты не принес с собой подушку? Тебе было бы удобней спать". Ну, что я такого сказал? А он вдруг прямо встал на дыбы и завизжал: "Гедаля, как ты мне надоел! Когда ты уже сдохнешь?". А я ему говорю: "Что ты, Митя, я еще должен пойти за твоим гробом".

А он мне: "Раньше — ты".

А я ему: "Зачем? Мне жизнь не надоела. Я не спешу. Это ты туда иногда спешил".

Это я сказал таки с намеком. До войны он одно время постоянно вешался. От него тогда первая жена уходила. Сколько она уходила, столько раз он вешался. Я даже сам его однажды из петли вытаскивал. Вообще, я заметил, что если кто-то однажды был сумасшедшим, то обязательно еще когда-нибудь покажет себя с этой стороны. Так вот — я не ошибся! Что с ним сделалось, когда я ему напомнил! Я вам передать не могу. Он кри-

чал, как будто его режут, и дошел до того, что я жидюра и проклятый кровопийца. Ну тогда я ему тоже сказал, что пока мои дети и я в том числе сражались на фронте, он здесь сотрудничал с оккупантами. В этом месте он прямо задохнулся, поднял на меня руку и, нечаянно конечно, выдернул шнур от слухового аппарата, и я перестал хорошо слышать. Все остальные стали ему что-то говорить, а потом поднялись и ушли, и мне дали знать, чтобы и я уходил. А у меня не было желания объясняться с этим ненормальным. Я свистнул Бандита, и мы пошли домой.

Пришли, включили телевизор. Там давали моды сезона. Сижу — смотрю. Вдруг — явление в коробочке! Кто бы вы думали? Митька собственной персоной. Бандит на него прямо набросился с лаем! Он же видел всю эту сцену в беседке! Когда Бандит успокоился, Митька сел за стол и как ни в чем не бывало стал мазать себе хлеб маслом. Но — молчал. Он молчит, и я молчу. Жду, когда он поужинает. Потом он наконец раскрыл рот и сказал, что он передо мной очень виноват. Но и я перед ним виноват. Потому что он не сотрудничал с оккупантами, а продавал на Привозе солдатам зубной порошок с примесью извести. Так что, можно сказать, даже вредил и был почти как партизан. Ну, партизан, так партизан. Я нарочно ждал, что он еще сочинит. Я думал: почему чуть что, так сразу это? Жид и жид. И еще какое-нибудь имя. Когда я был мальчик, говорили — Лазарь. Потом я был Моисей, Мойша, Абрамчик. Нормальные имена, но не мои. А Маланский — кто такой? Откуда он взялся? И зачем мне столько имен? Мне столько не надо. Я не испанский гранд. Меня зовут Гедалий, Гедалий Соломонович. Это имя меня устраивает. Я на него откликаюсь. И вообще, почему мне от случая к случаю должны напоминать, что я чужак? Сколько надо прожить на одном месте, чтобы врасти, и тебе не тыкали в нос, что ты прибудил? Мне моя бабушка рассказывала со слов своего отца, что мы переселились в Одессу в 1829 году. Мы чуть-чуть не пересеклись с Пушкиным. А что?..

И вообще, кому известно, кто где первым поставил ногу и сказал: это мое? Если мой прародитель Ной высадился на Арарате, я должен сказать: "Отдайте мне мой Арарат!"

На горе Арарат растет крупный виноград...

На кого плюнуть? На столько лет за плечами? У него же никого, кроме меня нет... Плюнуть! Вмазать по физиономии я б еще мог. Но плюнуть — никогда.

...Так сидим — он жует, я молчу. Мне интересно знать, как он завершит свой визит. И тут он — идиота кусок — говорит, как будто ничего не

произошло, — кстати, он, наконец, догадался, как можно починить мой старый будильник! А? Будто бы он все время только об этом думал и даже мучился...

Вы заметили, что с тех пор, как он вошел, я не сказал ни слова? Я смотрел на него и думал: неужели я пятьдесят с лишним лет знаю этого человека для того, чтобы так сидеть и над ним издеваться? И я сказал: "Слушай, у меня уже есть новые часы. И ты это знаешь. Но! Если тебе нужно с чем-нибудь поиграть, можешь взять старые на комод".

Он порывлся, где я сказал, нашел часы, подергал Бандита за шею и пошел на выход. В дверях он оглянулся и сказал: "Извини, Гедаля, я не хотел. Само вырвалось. Знаешь, как бывает".

— Еще как знаю, — сказал я, а под конец не выдержал и — вы меня простите — сказал, куда ему идти. Я же очень долго молчал.

Так чего я пришел? Я хочу вас просить, если он к вам зайдет, — а он зайдет, — не подавайте виду, что вы все знаете. И дайте ему что-нибудь починить, если попросит. И помните, я — вам ничего не говорил.

Кораллы Карибского моря

Посреди лета что-то стряслось с пятницами.

Началось все две недели назад, вечером, в самое что ни на есть беззаботное время, когда привадишие за пять рабочих дней дух и тело начинают расправляться в предвкушении двух непочатых выходных. Игорь и Катя готовились на выход — посидеть с друзьями в летнем ресторанчике. Жена наносила последние штрихи перед зеркалом, а Игорь уже просто томился в духоте квартиры, когда его случайный взгляд зацепился за настенный календарь.

Выделенное передвижной рамкой число пятнадцать уходившей пятницы было повседневно-голубым, а завтрашнее субботнее шестнадцатое число — красным. Привычная смена рабочих будней уикендом. А для него суббота вдруг вспыхнула красной лампочкой аварии. Ведь месяц-то — июль, макушка лета, и пятнадцатое число еще по тропинке вверх, а следующее — вершина, пик, точка перелома; дальше — будьте внимательны при спуске!

Ему стало невыносимо обидно за проведенное непонятно как время, ведь по-настоящему летний вкус и цвет имели денька два или три.

Ужас. Нонсенс. Край.

Еще хуже было то, что куда-то кануло вовсе не пол-лета. Он мог бы перебрать в памяти с десятков лет и зим: чем занимался, к чему стремился, кого терпел, с кем расходился, — вспомнить радости и обиды, подарки судьбы и удары под дых — все можно было выстроить в одну цепочку. Нельзя было только понять, как растрочена эта уйма времени. И еще нельзя было сказать, когда стало проясняться — ты уже с ярмарки.

Очередная пятница не задалась вовсе. Бессчетные двухдневные звонки и электронные письма по увязке предельных скидок и сроков поставки оказались напрасны — их фирма проиграла тендер, а потом в узких улочках центра полетело сцепление его выдавшей виды "шестерки". Но это было еще не все. В готовый к печати каталог спешно понадобилось внести пару новинок. Плотно засев за компьютер, он до восьми вечера правил текст, излагал его по-английски и корпел над версткой нескольких новых страниц. Специфика небольшой компании нередко предполагает совмещение обязанностей менеджера по продажам, сведущего в предлагаемой технике, с навыками редактора, дизайнера, логистика, водителя-экспедитора, а также грузчика со знанием иностранного языка.